

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. АЙША	7
Глава 2. ТОНЯ	69
Глава 3. НЕ ВМЕСТЕ	93
Глава 4. НОВАЯ ЖИЗНЬ ТОНИ	132
Глава 5. ОШИБКА.	158
Глава 6. ДЕВОЧКА	176
Глава 7. ВЕНЕРА.	197
Глава 8. ТАЙНА	229
Глава 9. ОДНА	271
Глава 10. НЕ ЛЮБОВЬ	305
Глава 11. ВЫБОР	323
Глава 12. ЭХ, МОРОЗОВА!	346
Глава 13. ДРУГАЯ	399
Глава 14. СЕМЬЯ	419

*Говорю вам тайну:
не все мы умрём,
но все изменимся.*

Первое послание
св. Ап. Павла
к Коринфянам

Через месяц после свадьбы она поняла, что не любит своего мужа. Всё бы ничего, но она была на седьмом месяце беременности, что, согласитесь, заставляет задуматься. Малыш толкал будущую мать изнутри и требовал отца, а это было ответственностью матери.

АЙША

К Как это часто бывает в молодости, познакомились они на общей вечеринке. Айшу позвала подруга, Германа пригласил друг.

**Он был старше неё почти на десять лет.
Остроумно шутил, элегантно курил,
с прищуром смотрел на женщин.**

Во всём его облике было что-то неуловимое, ускользающее, эдакая загадочность на грани с мужественностью и обещанной нежностью одновременно. Она к нему не приближалась. Наблюдала на расстоянии весь вечер. Присматривалась и примерялась. Её или не её история. Понять не могла. Когда тебе двадцать с небольшим, а мужчине тридцать — это уже приличная разница.

Компания была большая и шумная. Что отмечали, не помню. Помню только, что собирались в мастерской у Мишки-художника. Откуда подруга Айши его знала, тоже неясно. В конце 90-х таких мастерских уже почти не осталось. Те, что были, продавались под офисы или шикарные квартиры. А тут целый дом художников, чудом сохранившийся в их 2001 году. Вро-

де Мишкин отец владел этой квартирой-мастерской, и тот, пользуясь возможностью, принимал у себя всю их дружную компанию.

Огромные окна были небрежно закрыты холщовой тканью. Днём через щели струился свет, в его лучах играли пылинки. Вечером же огромное помещение, размеры которого из-за многочисленных скульптур и недописанных холстов, стоящих тут и там, определить было невозможно, было погружено в полумрак. Редкие бра и торшеры, раскиданные хаотично, высвечивали куски полотен с застывшими на них пейзажами и натюрмортами. Любопытные лица взирали с портретов, будто желая присоединиться к собравшимся.

Вечеринка близилась к концу, густой туман сигаретного дыма не позволял видеть дальше коленок рядом сидящей подруги; ряды опустевших бутылок вина различных сортов — кто что принёс — стояли по всей мастерской, грустя без своего содержимого, потерянно-навсегда. Печальный Крис де Бург вспоминал свою «Леди в красном», а мерно движущиеся под его голос пары прильнули друг к другу со страстью, прямо пропорциональной количеству вина. И Айша решила подойти. Предварительно она расспросила подругу.

— Ты знаешь, кто это?

— Ты о ком?

Айша показала глазами в сторону «клумбы» из девчонок с «садовником» внутри.

— А, так это же Герман, «кто ж его не знает», — процитировала подруга известную песню и засмеялась. — Загадочный и недосыгаемый, со всеми и ни для кого, Мишкин друг.

— Пойду познакомлюсь... Такой уж и недосыгаемый? — Айша встала, прошла мимо смеющейся компании, внимательно приглядываясь к Герману. Зашла

в ванную комнату, достала расчёску, привела в порядок свои роскошные каштановые волосы. Уж как она не дала их отрезать? Чудом сохранила. Все уговаривали мать отрезать, чтобы не возиться с косами и непослушными причёсками. Айша была маленькая — как родилась маленькой, так ею и осталась, а может, в мать пошла — росточку всего 160 сантиметров, хрупкая, гибкая, с прозрачной кожей и невероятными зелёными глазами — это в отца. Глаза меняли цвет от освещения и одежды, как хамелеоны, принимали на себя цвет окружающего пространства и оттого казались колдовскими, особенно когда она распускала волосы, доходившие до пояса. На контрасте с каштановой волной глаза сияли и манили в буквальном смысле слова. Айша же ещё, в силу своего возраста, не понимала своей чарующей красоты, а просто, как любая девчонка, хотела быть привлекательной.

Герман сидел в окружении самых видных дам вечеринки, рассказывал очередную невероятную историю, переводя взгляд с одной на другую и намеренно не выделяя никого. Это было непривычно.

Обычно ещё в начале вечера все одинокие примерно прикидывали, кто кому подходит, знакомились и держались рядом.

Были и такие, как Айша, — решившие, что сегодня не их вечер. Они переговаривались между собой, перекидывались ничего не значащими словами друг с другом и с хозяином вечера, обсуждали картины, расставленные по всей мастерской, медленно потягивали вино или быстро осушали рюмки с водкой, покуривая оче-

редную сигаретку. А этот, ишь ты, собрал вокруг себя толпу девчонок — и вроде со всеми, а вроде и ни с кем.

Зазвучала модная тогда «Люби меня, люби» группы «Отпетые мошенники», на Айшу подействовали вино и романтический флюид танцующих пар — она рискнула. Откуда смелость взялась?

— Девушки, а что это вы Германа захватили? Со всем не даёте ему отдыхать. Всех историй не переслушать! — Айша шагнула в центр «клумбы» из благодарных любительниц остроумных баек. — Разрешите вас пригласить? Объявляю белый танец!

Она обвела взглядом сидящих вокруг, поправила волосы, волной спускавшиеся по плечам, взяла Германа за руку и, как само собой разумеющееся, повела его в центр комнаты.

Он явно не ожидал такого поворота, хотя было видно, что уже устал от своих слушательниц и хотел куда-нибудь срулить, а тут — вот тебе на! — такое предложение.

«Симпатичная. Молоденькая только совсем, ну да ладно, пойду разомнусь», — подумал Герман.

Мужчина поднялся, словно просочившись сквозь свой «кружок по интересам», и в этот момент ощутил аромат каштановых волос и маленькую тёплую ладошку, крепко взявшую его за руку.

«Ну и хватка у малышки». — Он с интересом и даже с некоторым недоумением пошёл за ней.

Потом он поехал её провожать. Долго кружил по ночной Москве на старенькой «Ниве». Было неожиданно, что у него такая простая машина, весь образ говорил об обратном. Она ожидала увидеть какую-нибудь старую иномарку. Тогда стало модным привозить их из Польши или Германии. Привыкшие к отличным дорогам и прекрасному обслуживанию на своей ро-

дине, машины, оказавшись в России, выглядели достаточно «непуганными». Вроде как страшно, но вида не показывают.

— Почему «Нива»? — удивлённо спросила она.

— Это отца машина. Он, когда из семьи ушёл много лет назад, нам с матерью её оставил в качестве отступного. Вроде как извинялся. Мол, продадите — будут деньги. Алименты не платил никогда, ушёл и ушёл. Я уже взрослый был, двадцатилетний. Ну, и мы с матерью решили, перекрутимся. Продавать не стали. Права получил. Научился у мужиков в гаражах ремонтировать. Езжу пока. Хотя у меня есть вторая машина. Друг из Германии гоняет. Отличный мерс привёз. Покажу тебе потом. — Всё время, пока говорил, он лихо выруливал из двора на шоссе, мчался в сторону центра. — В «Станиславский» едем! Была там?

Клуб находился на Тверской. Несмотря на позднее время, Москва жила, сияла, переливалась и манила. Клуб оказался достаточно камерным. С хорошей музыкой и отсутствием орущей публики, которой она, провинциальная в прошлом девочка, откровенно боялась. Она никогда не была не то что в клубе — даже в ресторане. С институтскими друзьями встречались либо у кого-то дома, либо в соседнем с вузом кафе. Герман заказал шампанское, блины с икрой. Принесли буквально два блинчика и стеклянную банку чёрной икры — невиданная роскошь. Он рисовался перед ней, делая вид, что для него это всё обычно, просто такая жизнь у него, а она в неё встроилась, прикоснулась к нему. Ей было с ним непривычно. Какой-то чужой и в то же время очень притягательный. Странное ощущение.

— Прости, спрошу у тебя, хотя тебя с этим вопросом достали все, наверное... Но почему Айша? Ты же не восточная девушка.

— Да, вопрос частый. — Айша улыбнулась. — Я уже привыкла к нему после того, как из Казахстана уехала, где родилась. Меня так акушерка назвала в роддоме. Роды были тяжёлые у мамы, а я живая оказалась. Айша — это «живая». Вообще, имя арабское и популярное в Казахстане. Мама хотела Дашей назвать, а вышла Айша.

— Интересно. Первый раз встречаю девушку с таким именем и такими загадочными глазами. — Герман налил ей шампанского и поднял бокал. — За знакомство, Айша!

— Очень приятно! — Она подняла свой бокал в ответ и легонько коснулась края его бокала.

— А как тебя дома зовут, ну, какие варианты имени?

— Мама звала Аишечка, подружки — Аша, ещё можно Аиша, даже Дашей можно при желании.

— А почему ты сказала «мама звала»? Что с мамой?

— Мама умерла несколько лет назад. Давай сегодня не будем об этом. Лучше расскажи про себя и свою семью. — Шампанское уже ударило ей в голову; учитывая, что до этого было вино в компании друзей, а она вообще старалась не пить, организм с трудом воспринимал спиртное. Ей будет утром плохо, а может, и сейчас будет нехорошо, уже начинало подташнивать.

— Закажи мне, пожалуйста, воды.

Он встал и пошёл искать официанта, раздумывая о новой знакомой. Загадочная девочка с зелёными глазами. Тонкая, хрупкая и в то же время со стальным характером. Такая чистая и такая взрослая. Интересный сюжет закручивается...

Айша приехала в Москву из Казахстана. Точнее, там она родилась и выросла, а путь её в столицу был очень трудным, через огромную боль и поиски себя. Не каждому даётся пройти такой путь в столь юном возрасте. Ещё

и поэтому она сама удивилась своей смелости, когда рискнула пригласить на танец взрослого мужчину, окружённого толпой женщин. Неслыханно.

Отец бил мать нещадно. Старшая сестра Айши уехала из дома давным-давно. Вырвалась, как только школу окончила. Бросила мать с маленькой Айшей на руках и вечно пьяным отцом, уехала в один миг, почти без вещей, как только позвал её приятель. Больше она сестру не видела. Мать переживала страшно, но та больше не писала и не звонила — будто её и не было. У них с сестрой была большая разница в возрасте. Мать родила Айшу поздно. Отец никогда не скрывал, что не хотел её. Бил мать беременную, чтобы выбить из неё ещё одну нахлебницу. Но девочка чудом родилась, умудрилась вырасти и стать единственной защитницей матери.

Отсюда, кстати, и имя её — арабское имя у русской девочки — Айша Егоровна Данилова. Роды у матери были тяжёлыми, что неудивительно при таких обстоятельствах. Родила она её раньше срока. После очередной перепалки, когда срок уже перевалил за семь месяцев, муж в очередной раз возмутился, обратив внимание на огромный живот жены, контрастирующий с её худощавым телом, и толкнул. Она споткнулась о табуретку, перелетела через всю кухню и забилась в угол у холодильника. Резкая боль буквально скрутила изнутри, ребёнок забился и затих. На полу стало расти, растекаясь, липкое кровавое пятно...

Врач скорой, оценив обстановку, попросил водителя включить сирену. Ехали спасать мать, про ребёнка уже и не думали. Девочка родилась совсем маленькой, почти игрушечной. Когда акушерка взяла в руки практически выпавший из роженицы скользкий сине-красный комочек, ей, несмотря на многолетний опыт, тоже показалось, что ребёночек не жилец. Она сочувственно посмотрела

на мать и пошла обрабатывать новорождённую. Но, видимо, у Господа были свои планы на эту невесомую девочку. Комочек содрогнулся, венка на шее запульсировала, и девочка закричала.

— Айша. Будет Айшей. Живая, значит, живущая — по-нашему. Мою бабушку так звали. — Она похлопала малышку по спинке, ловко перевернула, перепеленала и показала матери. — Деятельная и энергичная моя бабушка Айша была, царствие ей небесное. Хорошая девочка вырастет — Айша.

Так и стала она не Дашей — а мать хотела именно Дашеньку, думала, что это мягкое такое имя, домашнее, доброе для младшей доченьки, — а пришлось Айшей называть. Как же по-другому-то после такого случая?

Иногда у отца случались моменты просветления. Он будто перевоплощался. В дом словно входил другой человек. В эти редкие дни он мылся, надевал старый потрёпанный костюм, шёл на базар и приносил ароматные, навсегда пахнущие для неё детством огромные яблоки с розовыми румяными «щёчками». Оказывалось, что этот человек, высокий и худой, с пронзительными карими глазами и виноватым взглядом, очень любит их с матерью. Именно про это он говорил во время своего «возвращения» к ним. Всю жизнь она вспоминала его потом именно таким — добрым и внимательным, просящим прощения, с ароматными яблоками в сильных руках. А того, другого, которого было очень много в её жизни, память вычёркивала и стирала, тщательно вымарывая и заменяя эти воспоминания.

— За что, ну за что ты могла его полюбить?! — кричала она матери, рыдающей в углу комнаты, окровавленной и в синяках после очередных побоев. — Это же чудовище, монстр, его нельзя любить, он недочеловек!

— Не говори так про отца, мала ещё, чтобы судить.

— Мама, ну мамочка, давай уедем отсюда! Он же убьёт тебя рано или поздно!

— Он хороший человек. Это я виновата. Расстраиваю его всё время. Неправильно себя веду. Вот он и срывается.

— Мама, ну при чём тут ты?! Он убивает тебя и меня заодно. Давай уедем, умоляю тебя!

Мать не поддерживала эти разговоры. Замыкалась в себе. Лебезила перед отцом и отчаянно старалась вести себя «хорошо» — не нарушать его правила и покой, не перечить, предугадывать желания, чтобы не довести до очередного срыва. Но ситуация повторялась. Он опять был чем-то недоволен, орал, бил, потом, осознавая, что натворил, напивался и опять бил. Падал в забытьи. Среди этого кошмара рос ребёнок — Айша, или Аишечка, как звала её мама. Она не спала ночами с детства, пряталась, как волчонок, под столом, когда начинался очередной кошмар, забивалась под кровать. Потом, став постарше, бросалась защищать мать, но от этого становилось только хуже. Отца бесило, что кто-то мешает ему «воспитывать жену». Доставалось обеим.

После клуба Герман отвёз её домой. Девушка жила у маминой знакомой. Помог выйти из машины. Галантно открыл дверь белой «Нивы», подал руку и проводил до лифта.

— Ну что, Айша, спасибо за вечер! Ловко ты меня из «клубы» весёлых девчат вытащила. — Герман вызвал ей лифт.

— Тебе спасибо! Мне даже неловко, что ты так на меня потратился. Клуб, икра, столько времени со мной ездил по всему городу. — Она смущённо смо-